

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1959**

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	2
В. Н. Вакуров. Из истории терминологии рыболовного промысла в русском языке (на материале деловых памятников XIV—XVI вв.)	3
Л. Н. Комарова. Некоторые замечания об особенностях качественно различных значений многозначного слова	21
В. В. Иванов. Из истории безударного вокализма русского языка (Аканье и сопутствующие ему явления в волоколамских говорах XV—XVIII вв.)	36
Е. Ф. Васеко. К вопросу об изменении <i>е</i> в <i>о</i> в русском языке	67
К. В. Горшкова. История безударного вокализма в старомосковском просторечии	81
Н. М. Шанский. О происхождении и продуктивности суффикса <i>-ость</i> в русском языке	104
Г. А. Богатова. Из истории существительных среднего рода на <i>-мя</i> в древнерусском языке	132
Н. К. Пирогова. К вопросу об акцентологическом законе А. А. Шахматова	158
Л. Н. Дровникова. История числительных <i>два, три, четыре</i> в русском языке	183
Г. Ф. Лебедева. Употребление глагольных форм прошедшего времени совершенного вида в перфектном значении в современном русском литературном языке	208
Е. Н. Богданова. К вопросу об употреблении в древнерусском языке приглагольных грамматических средств, служащих для обозначения причины, основания и цели действия	227
Е. В. Конюкина. Местоименные вопросительные предложения, направленные на выяснение обстоятельственных значений (по памятникам XI—XVII вв.)	250
В. А. Иванова. Падежные конструкции без предлогов, выражавшие причинное значение в древнерусском языке	276
М. Н. Шабалин. О происхождении некоторых черт русского кубанского диалекта	302
Ж. В. Ганиев. Из истории сложноподчиненных предложений с придаточными места в восточнославянских языках	133

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Редактор Ж. В. Ганиев. Техн. редактор М. С. Ермаков.

Сдано в набор 18/II 1958 г. Подписано к печати 9/X 1958 г. Л-44552. Изд. № 916. Формат 60×92¹/₁₆. Печ. л. 20,5. Уч.-изд. л. 21,4. Тираж 9000. Цена 13 р. 85 к. Зак. 141.

Полиграфический комбинат Ярославского Совета народного хозяйства.
г. Ярославль, ул. Свободы, 97.

КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА
ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Под редакцией
проф. П. С. КУЗНЕЦОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1 9 5 9

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета*

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Настоящий сборник содержит работы преподавателей и аспирантов кафедры русского языка филологического факультета Московского университета, посвященные различным вопросам русского языка и его истории.

В ряде статей сборника представлен ранее не изучавшийся или малодоступный, неопубликованный материал. Так, например, в работе В. В. Иванова даны результаты анализа более 200 рукописных грамот XV—XVII вв., писанных в Иосифо-Волоколамском монастыре, в работе Е. Ф. Васеко — результаты анализа московских рукописных грамот XVI в., в работе Н. К. Пироговой привлечены материалы старопечатных московских книг.

Различные работы в сборнике посвящены проблемам, до сего времени не получившим достаточного освещения в лингвистической литературе (например, статьи Е. В. Конюкиной, Н. М. Шанского и др.).

ИЗ ИСТОРИИ ТЕРМИНОЛОГИИ РЫБОЛОВНОГО ПРОМЫСЛА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ДЕЛОВЫХ ПАМЯТНИКОВ XIV—XVI вв.)

Изучение русского языка XIV—XVI вв., в частности, его лексического состава, является важной задачей советских языковедов. Именно в эту эпоху начинает складываться на основе языка русской народности национальный русский язык. Но лексика русского языка XIV—XVI вв. изучена недостаточно.

При исследовании древнерусского языка важное значение имеют деловые памятники. Деловые памятники XIV—XVI вв. особенно ценны при изучении лексики, относящейся к различным видам производственной деятельности людей той эпохи. Говоря о периоде образования централизованного русского государства, Л. В. Черепнин справедливо утверждает: «...основной источник по социально-экономической и политической истории этого времени — актовый материал»¹.

При исследовании рыболовной терминологии в русском языке XIV—XVI вв. мы в качестве основного материала использовали следующие источники: 1) «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XV вв.». Изд-во АН СССР, М.—Л., 1950 (ДДГ). 2) «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.», т. I. Изд-во АН СССР, М., 1952 (АСЭИ). (В этом собрании деловых памятников содержится актовый материал

¹ Л. В. Черепнин. Актовый материал как источник по истории русского крестьянства XV в. (Из истории производительных сил и производственных отношений). «Проблемы источниковедения», т. IV. Изд-во АН СССР, 1955, стр. 307.

одного из крупнейших монастырей — Троице-Сергиева, а также небольшое количество актов подведомых Троицкому монастырю так называемых приписных монастырей.) 3) «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв.», ч. I. Изд-во АН СССР, М., 1951 (АФЗХ). (Это издание включает акты одной из крупнейших церковных организаций той эпохи — московской митрополичьей кафедры.) 4) «Грамоты Великого Новгорода и Пскова». Изд-во АН СССР, М.—Л., 1949 (Новг. гр.).

Нами использованы также некоторые неопубликованные памятники деловой письменности XVI в., хранящиеся в ЦГАДА (Центральный государственный архив древних актов в Москве). Обращение к этим неопубликованным документам было вызвано тем, что в «Духовных и договорных грамотах», «Актах социально-экономической истории Северо-Восточной Руси» и т. д. вследствие самого характера этих памятников содержатся в подавляющем большинстве сведения о сельском хозяйстве. Свидетельства же о промыслах, в частности о рыболовном промысле, сравнительно бедны. Мы стремились использовать те неопубликованные материалы, которые содержат сведения о рыболовном промысле.

* * *

В XIV—XVI вв. на Руси промыслы (пчеловодство, рыбная ловля, охота, солеварение и др.) по сравнению с сельским хозяйством, являвшимся ведущей отраслью хозяйства, играли второстепенную, но все же значительную роль. Об этом свидетельствует и довольно богатая, развитая лексика, относящаяся к различным промыслам, особенно к рыболовству.

Рыболовство занимало значительное место среди промыслов древней Руси. Особенно много рыболовных угодий находилось во владении монастырей. Крупные монастыри различными способами захватывали самые значительные рыболовные владения — озера, реки, пруды.

В хозяйстве светских феодалов рыбный промысел также занимал важное место. На ту роль, которую играл рыбный промысел на Руси в XIV—XVI вв., указывает тот факт, что рыболовством были заняты целые деревни и слободы; на многих рыбных угодьях имелись рыбные дворы: «Даю ему... село Мячково... и съ рыболовлими деревнями». ДДГ-176¹. «Да ему ж даю... Инопаж и з Селцом, и съ езом, что на Волзе под рыбною слободою...» ДДГ-356. «... жили есмя.

¹ По не зависящим от Издательства причинам графика некоторых текстов здесь, как и в последующих статьях, дается в упрощенном виде

господине, в волости в рыбном дворе у Сенгу озера на истоках на рыбных ловлях...» АФЗХ-194.

В абстрактном значении «занятие промысловой деятельностью (бортничеством, рыболовством, охотой и т. д.)» наши памятники имеют слово „промысль”: «И от того деи они охудали и одолжали, и промышлов своих остави, и вперед деи ти наших податей с посадскими людьми и митрополичих тяглей вдвое тянути и от того прожити немочно». АФЗХ-198.

В «Материалах» Срезневского¹ дано несколько значений слова *промысль*: „мысль”; „забота”; „попечение”; „предназначение”; „прихоть”; „нужда”.

Последнее значение Срезневский иллюстрирует следующим примером: «Всяк поганый брат своего не продасть, но кого в них постигнет беда, то искупать его и на промысль дадут ему». А. Н. Котович совершенно верно замечает, что в этом случае слово „промысль” имеет значение не „нужда”, а „полезное занятие”, „обзаведение”²: «С конца XV в. многовековой церковно-книжнический нажим на слово „промысел” стал постепенно утрачивать свою силу. И народное употребление этого слова в значении „практической человеческой деятельности, делового почина” стало быстро преодолевать значения церковного характера».

В значении „практическая деятельность людей” (например, промысел рыбный, звериный и т. д.) слово „промысел”, помимо восточнославянских языков, известно также западнославянским.

В южнославянских языках в этом значении выступают иные слова: болг. мајсторија, занаят — лов, серб. занат — лов.

1. Названия рыболовных сооружений

Езъ. Самым распространенным приспособлением для рыбной ловли является ез. «Одним из способов рыбной ловли было „битье еза” (т. е. устройство особого сооружения на реке). Во время хода рыбы ей загораживали путь „забором”, оставляя только несколько проходов, куда вставляли верши»³.

Слово это находим как в памятниках Северо-Восточной, так и Северо-Западной Руси XIV—XVI вв: «А се даю своеи княгине... Милолюбский езъ». ДДГ-34. «...У Кочкомъ озе-

¹ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II. СПб., 1893, стр. 1545—1546.

² А. Н. Котович. Очерки по истории слов в русском языке. История слова «промысел». «Русский язык в школе», 1940, № 4, стр. 24.

³ Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв. В двух частях, ч. II (XIV—XV вв.). Изд-во АН СССР, М., 1953, стр. 36.

ри орамица и поженка с притеребомъ по половинам... у Микулина езу половина поженки...» Новг. гр.-215.

В одной из новгородских (двинских) грамот XV в. отмечено слово „езище” — рыбное угодье с езом. «Се купил Григорей... горнюю землю... и на Боховице е з и щ а...» Новг. гр.-275.

Слово „езъ” употребляется в составе словосочетаний „езъ бити”, „езъ затепати”, „езъ вешний”, „езъ зимний”: «...ни становщики, ни езовники не ездят ни по что, ни езу им не бити». АФЗХ-225. „А всхоchet сынъ, князь Семен, езъ собе забити на Волзе, и он собе езъ затепет ниже Городца”. ДДГ-50. „И Царко игумен так отвечал Окинфу: при моем игуменстве... и сеяти, и пожати... е з бити и вешней и зимней...” АФЗХ-180.

Г. Е. Кочин дает такие значения слову „езъ”: 1) „сооружение для рыбной ловли”; 2) „угодье”¹.

В значении „сооружение для рыбной ловли” слово „езъ” встретилось нам лишь в составе словосочетаний „езъ бити”, „езъ затепати”. В остальных же случаях слово „езъ” обозначает не только сооружение для рыбной ловли или рыбное угодье. Если такие термины как „рыбные ловища”, „тоня” обозначают рыбные угодья, то слово „езъ” обозначает рыбное угодье вместе с сооружением для рыбной ловли.

Следовательно, слово „езъ” употребляется в двух значениях: 1) „сооружение для рыбной ловли”; 2) „рыбное угодье с таким сооружением”.

Именно в этом последнем значении чаще всего выступает слово „езъ”. Слово „езъ” во втором значении является синонимом к слову „езище”.

Слово „езъ” впервые отмечено в „Жалованной грамоте польского короля Казимира после 1340 г.” (Срезневский, Мат., I, 821). Слово „езъ” в значении „рыболовное сооружение” является принадлежностью словарного состава русского языка. В других славянских языках это слово известно с иными значениями: укр. їз, заїз — шлюз; белорус. яз. — то же; новословенск. jez — плотина, запруда; болг. јаз — то же; серб. јаза, јаз — отводной канал; чешск. jez — запруда, плотина.

Слово „езъ” в XIV—XVI вв. преимущественно употреблялось в языке Московской Руси и северных областей русского государства, на что указывают и данные русских говоров; в архангельских говорах: «„Ез” — род небольшого забора, рыболовный снаряд из вбитых в дно реки кольев, к которым прикрепляют конусообразные плетеные ловушки»². «„Ез” —

¹ Г. Е. Кочин. Материалы для терминологического словаря древней России. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1937, стр. 109.

² А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885, стр. 42.

рыболовное устройство из кольев, вбитых в дно поперек реки и переплетенных прутьями»¹.

В вятских говорах: «„Езок” — 1) прудок, вырытый водоем для сажания рыбы; 2) ящик, большая плетеная клетка для живой рыбы»². Подобные ящики всегда держатся в реке.

В смоленских говорах: „Ез” — „орудие рыбной ловли, место ловли и сама ловля”³; в ярославских говорах: „Ез” — „загородка в реке для ловли рыбы”⁴. „Язы” — „часть реки, расположенная между заязками (т. е. стеной из хвороста и врытых в дно реки свай, пересекающей реку поперек), или вообще место на реке, где находятся заязки”⁵.

Колъ. Слово отмечено только в новгородских грамотах.

Г. Е. Кочин дает такое значение этого слова: „...сооружение для ловли рыбы; рыбное угодье” (Кочин, Мат., 148). „Се купи Кюприянъ Павловъ сынъ... Патриевъ островъ усть Ижми реки колъ рыба ловити...” Новг. гр.-233.

„Колъ” как сооружение для рыбной ловли по своему устройству очень напоминает ез: «Кол рыбный, колье — загородка поперек течения реки с одним или несколькими, загороженными сетями, проходами для рыбы»⁶.

Слово „коль” (подобно слову „езъ”) обозначало как сооружение для рыбной ловли, так и рыбное угодье с таким сооружением.

В значении „сооружение для рыбной ловли” это слово документируется с конца XII в. „Вкладной грамотой Варлаама Хутынскому монастырю близ Новгорода после 1192 г.” (Срезневский, Мат., I, 1259). Другие примеры употребления этого слова даны в словаре Срезневского также из новгородских памятников XV в. („Новгородская рездельная грамота XV в.”, „Новгородская купчая грамота XV в.”).

Таким образом, слово «коль» в XV в. являлось новгородским диалектизмом. Из числа русских современных говоров только архангельским говорам известно слово «колье» — «рыболовное устройство на семгу, навагу и камбалу» (Подвысоцкий, 47).

¹ Опыт областного великорусского словаря. Изд. 2-м отд. Имп. Акад. наук, СПб., 1852, стр. 64.

² Н. М. Васнецов. Материалы для областного словаря вятского говора. Вятка, 1907, стр. 66.

³ В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914, стр. 1013.

⁴ Е. Н. Якушин. Материалы для словаря Ярославской губернии. Ярославль, 1896, стр. 9.

⁵ В. Волоцкой. Словарь ростовского говора (Ярославской губернии). Сборник ОРЯС АН, т. LXXII, 1903, стр. 105.

⁶ Н. Н. Виноградов. Рыбные ловли на Онежском озере четыре века тому назад. «Рыбное хозяйство Карелии», вып. 3, Л., 1936, стр. 217.

Слово «колъ» со значением «рыболовное сооружение» является особенностью русского языка (в его северновеликорусских говорах). В значении же «шест с острым концом» слово «кол» известно всем славянским языкам: например, укр. кіл; словенск. kol; болг. колъ, собираат, коле; серб. колац.

З а б о р ь. Это также разновидность еза. Слово «заборъ» встретилось нам дважды в «Отписных книгах З. Сущеева 1578 г. на вотчину Кирилло-Белозерского монастыря в Умбской волости Кольского уезда, с жемчужными промыслами»¹: «...в речки в Оленицы ловят красную рыбу семгу забором...».

В книге С. Максимова «Год на Севере» находим такое описание забора: «В Поньгаме встречается простой первообраз этих заборов: там неширокая речка перерезана поперек заставой из хвороста и хвойных лапок, плотно прикрепленных к двум слягам — длинным бревнам, которые сходятся между собою под углом. Вершина этого угла обращена в верхнюю сторону реки и только в одной вершине этой остается отверстие... В отверстие это... вставляется обыкновенно верша...»².

Слово «заборъ» (подобно словам «езъ», «колъ») употребляется также в значении «рыбное угодье вместе с забором (сооружением для рыбной ловли)»: «А на тех тонях и заборе что в Умбе и в реке в Оленицы... ловят красную рыбу семгу всюю волостью» («Отписные книги З. Сущеева 1578 г.», л. 13—14).

В значении «приспособление в реке для ловли рыбы» слово «заборъ» впервые встречаем в одной из северных грамот XV в. — в «Духовной Макария на движимое имущество в Ухтоострове и Княжострове и других местах и на вотчину в Варзуге, завещанные им разным лицам и Соловецкому монастырю» (Кочин, Мат., 117).

В этом значении слово «заборъ» в XIV—XVI вв. является севернорусским диалектизмом.

Только в архангельских современных говорах находим слово «забор» с этим значением: «Забор» — «устраиваемая для ловли семги, из свай перегорода поперек реки в виде ломаной линии» (Подвысоцкий, 46); «Забор» — «ряд кольев, который ставится поперек реки для ловли семги»³.

Производное от общеславянского «братъ» слово «забор» в значении «ограда, изгородь» — общерусское, со значением

¹ ЦГАДА. Рукописное собрание Ф. Ф. Мазурина, ф. 196, 1578, № 543, л. 12.

² С. Максимов. Год на Севере, изд. 3-е. СПб., 1871, стр. 247

³ В. Даль. Толковый словарь, т. I. ГИХЛ, М., 1935, стр. 568.

же «сооружение для ловли рыбы» является принадлежностью словарного состава северновеликорусских говоров.

Можно отметить, что слово «забор» в обоих указанных значениях — великорусское.

В инославянских языках в значении «ограда, изгородь» выступают иные слова, например в болгарском — «заградено место», «ограда», «агъл»; в сербском — «ограда», «плот»; в чешском — plot, parkan; в польском — zagroda; в украинском — огорожа, тин, паркан; в белорусском — агарожа, плот, шчыкеты и т. д.

Котцище. «А перевесища и котцища, а то имъ вопци». Новг. гр.-180.

В «Материалах» Г. Е. Кочина находим: «Котцы, котцище — рыболовная снасть» (Кочин, Мат., 160). Но это неверно. Если котцы — рыболовная снасть, то котцище — это то место, рыбное угодье, где устроена эта снасть (ср. подобные соотношения: «перевесье» — «перевесище», «езъ» — «езище», «гумно» — «гумнище» и т. д.). Следовательно, Г. Е. Кочин неправомерно словам «котцы» и «котцище» дает одно и то же значение.

Вероятно, «котцы» — не рыболовная снасть, как определяется это слово в «Материалах» Г. Е. Кочина, а рыболовное сооружение, «снаряд», как называет его Н. Н. Виноградов: «Вотцы или котцы — снаряд для рыбной ловли, сплетенный из прутьев, вроде лабиринта, откуда зашедшая рыба не может выйти обратно»¹. Ведь от названий рыболовных снастей («сеть», «сежа», «неводь», «мережа» и т. д.) мы не находим производных, обозначающих рыбные угодья. Места рыбной ловли, рыбные угодья, если они связаны с определенным способом лова, обозначаются словами, образованными от названий сооружений, приспособлений для ловли рыбы. Например: «езище» (от «езъ»), «колье» (от «коль»).

Данные говоров также подтверждают наше предположение.

Например: «Котцы — *сиб.* плетневый перебой через речку для удержания и ловли зашедшей туда рыбы, особ. омулей» (Сл. Даля, II, 181).

«Коты — *чрм.* ловушка в устьях рек на рыбу, четырехугольная огорожа плетнем с заворотами» (Сл. Даля, II, 182).

«Котцы — 1) Особенный осенний способ ловли омулей, состоящий в том, что речку, в которую зайдут омули для метания икры, перегораживают кольями. *Иркут.*; 2) Загорода из тычин. *Оренб.*» (Оп. об. с., 91).

¹ Н. Н. Виноградов. Рыбные ловли на Онежском озере четыре века тому назад, стр. 217.

Слово «котщище» впервые находим в «Рядной новгородской грамоте XIV в. о землях, оставшихся по смерти Федора Максимовича» (Кочин, Мат., 160).

Слово «котщище» произведено от «котцы» (рыболовный снаряд). Это значение слова «котцы» — вторичное. Первичное значение слова «котыць» — клетка («Книга Бытия» по рукописи Троицко-Сергиевской лавры XIV в. Срезневский, Мат., I, 1304).

Слово «котщище» в XIV—XVI вв. являлось особенностью северных говоров древнерусского языка.

Слово «котцы» в значении «рыболовная снасть» из числа других славянских находим только в украинском языке: «котець» — рыболовное сооружение. В остальных славянских языках слово «котец» и другие однокоренные слова употребляются в значениях, близких к первичному: белорус. котух — курятник, гусятник; словенск. kotec — курятник; сербск. kot, kotas — небольшой хлев для свиней, овец; чешск. kot, kotec — будка, хлев, kocies, kojec — куриная, гусиная клетка.

2. Названия рыболовных снастей

Сеть. «А что озера в Каковьской отчине, ино старцемъ волно ловити неводомъ и сетми...» Новг. гр.-265. Это слово в значении «сеть, тенето» впервые зафиксировано в «Русской Правде» Владимира Мономаха около 1114 г. (по Синодальному списку) (Срезневский, Мат., III, 902).

Слово «сеть» является принадлежностью словарного состава восточных и западных славянских языков. В южнославянских языках в значении «сеть» употребляются иные слова. Например, в болгарском — мрежа; в сербском — мрежа, мрежица.

Неводъ — «большая рыболовная сеть» (Кочин, Мат., 206): «... велел есми им ловити неводом в Ростовском озере всякою ловлею...» АСЭИ-79.

Невод в XV в. является единицей обложения, приравниваемой к сохе: «...тшанъ кожевнической за соху, неводъ за соху...» Новг. гр.-39.

Слово «неводъ» входит в составные термины: «неводы поплавные», «невод сотник»: «Се купи Иван игумен и Стефанъ староста... орамые земли и пожни... и с поплавными неводы рыба ловити...» Новг. гр.-185. «У нас взяли... невод сотник да десять сетей...» АФЗХ-195.

Слово «неводъ» находим в составе фразеологического оборота «на неводъ ходити», т. е. выполнять феодальную повинность, участвовать в ловле рыбы неводом для феодала:

«...при моем игуменстве... на невод ходити, пруды прудить...» АФЗХ-180.

Отметим производное от «невод» слово «неводница»: «... и съ их паузка да з дву неводниц, или с струга, или с десяти возов не емлют никоторых моих пошлин». АФЗХ-179. В «Материалах» Срезневского и Кочина не дано значения этого слова. В «Приходной книге Николаевского Корельского монастыря 1567—1571 гг.» находим слово «неводница» в составе словосочетания «лодка неводница»: «Мирѡнова жена... дала лотку неводницу...»¹. Слово «неводница» имело значение «лодка, приспособленная для ловли рыбы неводом». В некоторых русских говорах в этом значении известно слово «неводник» — рыбацкая лодка (Сл. Даля, II, 520).

Слово «неводъ» встречается в ранних памятниках древнерусского языка начиная с середины XI в. Впервые оно отмечено в «Остромировом евангелии 1056—1057 гг.» (Срезневский, Мат., II, 361).

Слово «невод» находим в восточных и западных славянских языках: укр. невод; чешск. nevod; польск. niewod; ниж.-нелуж. pavod.

Бредникъ. «...и з бредники и з курицами по реке по Воре не бродить, и рыбы не ловить». АСЭИ-274.

Слово «бредникъ» документируется с середины XII в. Впервые его находим в «Уставной грамоте 1150 г. смоленского князя Ростислава Мстиславича и епископа Мануила, данные епископии Смоленской» (Кочин, Мат., 38).

Слово «бредникъ», производное от общеславянского «бристи — бродить», из числа славянских языков находим только в русском языке.

Слово «бредник» и другие производные от глагола «бристи» в значении «рыболовная снасть» широко распространены в различных великорусских, особенно в северных, говорах. Например, в архангельских говорах: «бредник» — «небольшой невод, привязываемый концами к палкам, которые держат стоймя и волокут» (Оп. об. с., 15); «бродник» — бредень, невод; «бродец» — «мелкоячейная, для ловли мелкой рыбы, сеть» (Подвысоцкий, 10); в олонечких говорах: «бродец», «бродник», «брѡдок», «брѡдец» — «маленький невод, вязанный в 2 нитки»²; «бродец» — рыболовная сеть (Оп. об. с., 15); в вологодских говорах: «брѡдец» — «рыболовная мрежа в виде конуса»³; в вятских и пермских говорах: «бредник» — не-

¹ Картотека древнерусского словаря Института языкознания АН СССР.

² Г. Куликовский. Словарь областного олонечского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898, стр. 6.

³ «Дополнение к Опыту областного великорусского словаря, изд. 2-м отд. Имп. Ак. н.». СПб., 1858, стр. 12.

большой невод (Оп. об. с., 15); в смоленских говорах: «бредень» — рыболовная снасть (Добровольский, 40); в курских говорах: «бродыник» — бредень, рыболовная сеть¹.

Курица. «...и з бредники и з курицами по реке по Воре не бродить, и рыбу не ловить». АСЭИ-274.

Слово «курица» в значении «рыболовная снасть» отсутствует в «Материалах» Срезневского, Кочина и в Картотеке ДРС.

Нами оно отмечено в единичном употреблении в «Жалованной грамоте вел. кн. Ивана Васильевича игумену Троице-Сергиевского монастыря Сипиридоню на исключительное право рыбной ловли в реке Воре 1467—1474 гг.» (АСЭИ-274).

Можно отметить другие, однокоренные с «курица», слова, относящиеся к рыболовному промыслу, например: «Курь — водное рыбное угодье» (Кочин, Мат., 167).

В одной из грамот середины XVII в. находим слово «куромь» в значении «рыболовное приспособление». «...Левка Кусков... промысел у всех рыбников... отнял... и куро мь ставить не велить...»².

В архангельских говорах отмечены такие слова: «курма» — 1) «рыболовный, устраиваемый на быстрых водах снаряд из вбитых в дно реки толстых кольев, к которым прикрепляют опускаемую до дна реки сеть с мешком, называемую «матича»; 2) «мешкообразная сеть, вставляемая в отверстие забора». «Курычек» — «поплавок невода для ловли песчанки» (Подвысоцкий, 78); в олонечких говорах: «курма» — «конусообразная сеть или ловушка, плетенная из прутьев, опускаемая в быстрых местах реки отверстием вниз» (Куликовский, 47).

Слово «курица» находим лишь в северновеликорусских говорах. Например, в вологодских говорах: «Курица — *влад.* ловушка на щук» (Сл. Даля, II, 227); «Курица — рыбная ловушка для щук. *Волог. Верховаж. у.*» (Доп. оп. об. с., 96).

Возможно, что родиной слова «курица», отмеченного нами в одном из актов Московской Руси, являются северные диалекты древнерусского языка.

Мережа. «...велел есми им ловити неводом и мережами и всякими ловлями какими хотят в Переяславском озере». АСЭИ-76. «Се жалуем селитва ставити да рыбу ловити неводом да мережи...» Новг. гр.-333.

Впервые это слово отмечено в «Сборнике поучений» XII в.

¹ М. Г. Халанский. Народные говоры Курской губернии (замечки и материалы по диалектологии и народной поэзии Курской губернии). Сб. ОРЯС АН, т. LXXVI, № 5. СПб., 1904, стр. 364.

² Акты, относящиеся до юридического быта древней России, изд. Археографической комиссией, т. II. СПб., 1864, № 180, стр. 571.

библиотеки Троице-Сергиевской лавры (Ср. II, 128).

Слово «мережа» — общеславянское, оно и современным славянским языкам.

В современных говорах это слово широко употребляется. Например, в архангельских говорах: «Мережа, мережка — конусообразный на обручах мешок из сетки» (Подвысоцкий, 90); «Мережа — рыболовная сеть»¹; в олонецких говорах: «Мережа — конусообразная сеть с обручами» (Куликовский, 55); «Мережки — небольшие рыболовные сети» (Доп. оп. об. с., 113); в новгородских говорах: «Мережа — сеть для лова рыбы»²; в ярославских говорах: «Мережа — рыболовная сеть» (Волоцкой, 47); в смоленских говорах: «Мережа — сеть» (Добровольский, 408); в южных говорах: «Мережа — ставная сеть на камбалу и ската» (Сл. Даля, II, 325).

Юнда — рыбацья мережа особого устройства. «...юнды (сети), которые употребляются без поплавков и, прикрепленными на кольях, ставят поперек реки»³.

Слово «юнда» словарем Срезневского документируется с середины XVI в. («Опись Корельского Николаевского монастыря 1551 г.». Срезневский, Мат., III, 1627). Но нами это слово отмечено в более раннем памятнике — в XV в. — в «Духовной грамоте Макария на завещанные брату и Соловецкому монастырю имущество и вотчину в Варзуге» (Новг. гр.-270).

Слово «юнда» в XIV—XVI вв. встречаем только в памятниках, относящихся к северновеликорусской территории. Вероятно, это слово попало туда из языка соседних финских племен. В инославянских языках не находим этого слова.

Слово «юнда» имеется в современных северновеликорусских говорах. Например, в архангельских говорах: «юнда» — «употребляемая для ловли кумжи, корюхи и камбалы сеть без поплавков» (Подвысоцкий, 196); в олонецких говорах: «юнда» — «рыбачья мережа особого устройства» (Сл. Даля, IV, 688).

3. Названия рыб

В составе лексики рассматриваемых нами памятников имеется довольно большая группа слов, обозначающих различные породы рыб.

Рыба. Общим, родовым термином является слово «рыба».

¹ А. Грандильевский. Родина М. В. Ломоносова. Сб. ОРЯС АН, т. LXXXIII, № 5, СПб., 1907, стр. 196.

² Ф. И. Эрдман. Дополнение к опыту областного великорусского словаря по Новгородской губернии. Учен. зап. Казанского университета, кн. 2. Казань, 1857, стр. 137.

³ С. Максимов. Год на Севере, стр. 52.

«А дает игумен Пахомей ту рыбу посельскому моему Дмитрею Щербине в Володимери». АФЗХ-207.

Слово «рыба» находим в составных терминах «красная рыба», «белая рыба»: «...по государеве грамоте в речки в Оленицы ловят красную рыбу семгу забором, а ловить на том заборе и в тонях...»; «...а ловят на тех на всех озерах белую рыбу всюю Умбскою волостью» («Отписные книги З. Сушьева 1578 г.», лл. 12, 15).

Определения «красная» и «белая» по отношению к рыбе имеют в виду не цвет ее мяса. «Словом „красный” обозначается не цвет (мясо этих рыб не имеет красного цвета, характерного для некоторых рыб семейства лососевых), а высокое качество рыбы»¹. Так, в «Словаре» Даля говорится: «„Красная рыба” — бескостная, хрящевая: белуга, осетр, севрюга и шип (не стерлядь)» (II, 189).

Но в наших памятниках красная рыба противопоставляется белой именно как рыба с красным мясом, так как речь идет о «красной рыбе семге». «На Севере европейской части СССР белой рыбой называют всех сегов в отличие от лососей и кумжи, обладающих розовым мясом»².

Слово «рыба» отмечено памятниками древнерусского языка с середины XI в. («Остромирово евангелие 1056—1057 гг.». Срезневский, Мат., III, 207).

«Рыба» — слово общеславянское: укр. риба; белор. рыба; словенск. ríba; болг. риба; сербск. риба; чешск., польск., верхне- и нижнелуж. губа.

Осетрь. «А хто изымаеть осетрь, ино судиямъ половина». Новг. гр.-149; «...куплено на рыбном дворе на опыг осетрь да севрюга...» («Приходо-расходные книги денежной казны московского Чудова монастыря 1585—1586 гг.»³).

Слово „осетрь” входит в словосочетания, являющиеся специальными терминами: „осетрь длинный”, „осетрь длинный осенний”, „осетр вялый шохонский”. „...а с осетров длинных и с шевругъ по шти пулов съ одного...” (Уставная грамота (в списке) по указу государя царя Федора Ивановича на откуп в Великом Новгороде... поворотной пошлины с товаров... 1586 г.⁴). „...осетров длинных осенних — сто, куплено по 30 без дву рублей” („Приходо-расходная книга 1591—1593 гг. денежной казны и съестных припасов Иосифо-Волоколамского монастыря”⁵. „...с езу давати ми своему

¹ Большая сов. энциклопедия, изд. 2-е, т. 23, стр. 239.

² БСЭ, изд. 2-е, т. 4 стр. 410.

³ ЦГАДА. Рук. собр. Ф. Ф. Мазурина, ф. 196, 1585—1586, № 273, л. 112.

⁴ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел, ч. 2. М., 1849, стр. 90.

⁵ ЦГАДА. Иосифо-Волоколамский монастырь, ф. 1192, 1591—1593, № 10, л. 47.

господину... на всякий год... по десяти осетров вялых шохонскихх..." АФЗХ-247.

Составной термин „осетр длинный” употребляется при обозначении целой, не разрезанной на куски рыбы. «Белуга и осетрина продавались штуками, что называлось длинною рыбою, тешами, косяками и спинками...»¹.

Слово документируется с середины XII в. „Уставной смоленской грамотой 1150 г.” (Срезневский, Мат., II, 717).

Слово „осетр” находим в некоторых славянских языках: укр. осетр, ясетр; польск. *jesiotr*; сербск. *jesetra*; чешск. *jeseter*.

Севрюга. В наших памятниках слово „севрюга” встретилось в формах „севрюга” и „шевруга”: „...куплено на рыбном дворе на опыт осетръ да севрюга...” („Приходо-расходные книги денежной казны московского Чудова монастыря 1585—1586 гг.”, л. 112). „...а с осетров длинных и с шевругъ по шти пулов с одного” („Уставная грамота (в списке) по указу государя царя Федора Ивановича 1586 г.”).

В „Материалах” Кочина это слово отсутствует. В „Материалах” Срезневского отмечено слово „шеврига” в значении „севрюга” (рыба) (Срезневский, Мат., III, 1585).

Картотекой ДРС слово „севрюга” зафиксировано с середины XVII в. („Столовая обиходная книга Новоспасского монастыря 1648—1649 гг.”).

Форма „шеврига” сохраняется в современных астраханских говорах: „Шеврига — *астрх.* рыба севрюга” (Сл. Даля, IV, 645).

Слово „севрюга” имеется только в русском языке.

Белуга. Слово „белуга” отсутствует в словарях Срезневского и Кочина. Впервые отмечено в одной из грамот 1556 г. (Картотека ДРС).

„...а кто повезет ...белугу ...и съ белуги свежия по полуденге...” („Уставная грамота (в списке) по указу государя царя Федора Ивановича 1586 г.”).

Слово „белуга”, производное от „белый”, — восточнославянское: укр. *білуга*; белор. *бялуга*. В южных и западных славянских языках находим другие названия белуги: болг. *моруна*; сербск. *моруна*, чешск. *vuza*, польск. *wuz*.

Стерлядь. „Куплено про гость на Устюжском дворе десять стерлядей...” („Приходо-расходная книга денежной казны и съестных припасов Иосифо-Волоколамского монастыря 1591—1593 гг.”, л. 131).

Впервые это слово зафиксировано в середине XV в. в „Гра-

в XVI и XVII столетиях. «Современник», 1858, т. XX, № 7, стр. 67.

¹ Н. Н. Костомаров. Очерки торговли Московского государства